

ПРЕССА

ПЕТРОГРАДСКАЯ ПРЕССА 1917–1921 гг.

Городская печать — один из самых специфических источников о политической психологии петроградцев в послереволюционные годы. Ее часто рассматривают как источник ненадежный, противоречивый и требующий чтения «между строк», но этим едва ли могут исчерпываться ее характеристики. Журналисты не столько освещали события, сколько оценивали их, и отделить при анализе прессы первичный факт от его последующих «интерпретационных» наслоений — задача нелегкая. Наиболее ценным источником для изучения настроений петроградцев в 1917–1920-х гг. являются пять газет — полуменьшевистская по оценке большевиков и полубольшевистская по оценке их противников газета «Новая жизнь» (издававшаяся М. Горьким), либеральная газета «Наш век» и большевистские «Красная газета», «Маховик», и «Правда» («Петроградская правда») — органы Петроградского Совета, Петроградского губернского профессионального совета и Петроградского комитета РКП(б).

Судьбы «Новой жизни» и «Нашего века» в чем-то оказались схожими, несмотря на заметные различия в их стиле и, в особенности, в их политической направленности. Они прекратили свое существование к лету 1918 г. Это не было случайным — едва ли они могли быть терпимы в условиях идеологической унификации, проводимой новым режимом. Публикуемые ими критические реплики и историсофские заметки, хотя и писались со все большей оглядкой на цензуру, были тем не менее вызовом политическим практикам тех лет, с присущим им монополией не только на власть, средства производства и распределения, но и на печатный станок. Уже с весны 1918 г. молчание стало формой протеста многих не-

коммунистических газет — печатались в нарочито официозном стиле и без комментариев правительственные сообщения, сдержанно и нейтрально фиксировались события городской жизни. Потерявшие читателей, утратившие традиционные источники финансирования, сократившие тираж, уменьшившись в объеме — эти газеты потеряли всякое влияние. Их издатели и репортеры не участвовали в политических играх большевиков, но и не вели собственную игру. Все, вызывавшее раздражение новых чиновников, рассматривалось ими уже неотчетливо, скороговоркой, в своеобразной летописной манере — «не веда ни радости, ни гнева».

В октябре 1917 многое было иным. «Наш век» претендовал на то, чтобы быть respectable рассказчиком о городских новостях — без «погромной», как тогда говорили, лексики правительственных агитаторов, без двусмысленной, умеренно социал-демократической фразеологии «Новой жизни». Публицисты «Нашего века» более сдержанны, их сообщения более информативны, но и их рассказ о многих событиях изобилует слухами. Кажется, что им недоступны коридоры Смольного, они почти не общаются с «комиссарами» или с иными осведомленными лицами, и многое узнают от тех «бывших», кто уже прячется или другим способом спасает себя. Им трудно разглядеть лица участников событий. Они или размыты до неузнаваемости, или нередко неотличимы от толпы, которая, как это ни парадоксально, часто оказывается безгласной. Мотивы акций людей здесь заменяются интерпретациями рассказчика, или, вернее, они нечетко отделяются друг от друга — перепутано «свое» и «чужое».

В «Нашем веке» не было протокольной четкости сообщений о постановлениях митингов на предприятиях, характерных для большевистской прессы. С журналистской небрежностью к точности фактов здесь говорилось лишь «в общем плане» об оппозиционных настроениях горожан, в том числе и рабочих. Учитывая, однако, антибольшевистскую направленность газеты, пусть и маскируемую нейтральностью многих оценок, нельзя без осторожности оценивать достоверность такой информации. Во-первых, она обычно имеет оттенок оппозиционности, и, во-вторых, здесь заметно ощущается целенаправленный отбор фактов. Многие сообщения — «картинки с натуры» (если воспользоваться газетным штампом тех лет). Сведения о событиях

в них не искажены, но им придано «беллетризованное» оформление. Репортер не только описывает людей, но и переживает вместе с ними, зачастую не отделяя себя от толпы. Необходимая деталь для создания должного впечатления преподносится более крупно, жест становится необычно драматичным, голоса различных людей сливаются в декламационном порыве.

Очевидным следствием такого приема являются особая живописность и рельефность описаний. Но, превращая в городские улицы в театральные подмостки, стоя «на котурнах», трудно оценить рутину повседневного существования. Она становится не только еще более тусклой, но и оказывается смещенной с подходящего ему места в иерархии традиционных ценностей: возникает ощущение, что город живет только героическим и драматическим бытием. Не больше конкретности и во многих публикациях «Новой жизни»: где-то прямо говорится о том, что «по городу усиленно распространяются слухи»,²⁹⁰ где-то «слух» ретушируется «общими впечатлениями»: «Общественное мнение кристаллизуется на формуле: 24–30 октября — это бунт, солдатский мятеж, военный заговор, большевистская авантюра, политический погром и т.д. и т.д.»²⁹¹ Далее следует опровержение этого: «На самом деле переживаемые и еще не изжитые события являются не чем иным, как бурной, ненужной, жестокой ... с огромной примесью заговорщицки-авантюристических и военно-бунтарских элементов, но исторически неизбежной формой краха крупной буржуазии и умеренной демократии».²⁹² Тем самым рассказ, «о кристаллизирующемся мнении» во-первых, приобретает политический оттенок (а отсюда недалеко и до утрировки взглядов противной стороны), а во-вторых, может обоснованно рассматриваться как звено в ряду социалистических штампов, которыми пестрит «опровержение». Стоит отметить и ту сугубую неконкретность, с которой выражено «общественное мнение» — о том, кто его высказывал и кто его разделял, можно только гадать. Эта манера проявлялась и в других публикациях «Новой жизни». «Заговаривал я с ними [молодыми рабочими. — С. Я.] по вопросу о свободе печати и ясно было, что они стыдятся того, что делают со свободой печати»²⁹³ — в этой заметке обращает на себя внимание не только безымянность «молодых рабочих», (вполне,

²⁹⁰ Новая жизнь. 1917. 16 ноября.

²⁹¹ Там же. 1 ноября.

²⁹² Там же.

²⁹³ Там же. 14 ноября.

конечно, объяснимая), но и фраза «ясно было, что они стыдились» — вместо более категорических утверждений, вполне естественных, если бы речь шла о чем-то, в чем репортер был твердо уверен. В таком контексте фраза «ясно было» передает скорее субъективное впечатление репортера, а не то, что можно оценить как непреложный факт.

В «картинах с натуры», публикуемых в «Новой жизни», заметны социал-демократические мотивы. Их персонажи: передовые рабочие, заблуждающиеся, но во многом «свои» красногвардейцы, просвещающий их социалист — интеллигент. Сценарии их тривиальны: некто протестующий с эффектными фразами обличает неправоту революционеров в соответствии с социалистическими трафаретами (Россия не готова к революции, нужно единение всех социалистов, их разногласия откроют дорогу погромщикам, корниловцам и черносотенцам), внимающая ему публика единогласно его поддерживает. При знакомстве с некоторыми из этих зарисовок порой кажется, что видишь социал-демократическую листовку с присущей ей трафаретной фразеологией, но оформленную в виде «художественного» диалога. На вопрос, состоящий из присущих меньшевистской ортодоксии клише, следует ответ, в котором также воспроизведена целая цепочка соотнесенных между собой политико-риторических штампов. Отчетливо это заметно, если сравнить их с передовицами или редакторскими статьями, опубликованными в той же «Новой жизни» — беллетризованной формой текст «оживлен», но содержание его от этого не меняется. В отсутствии назидательности эти зарисовки упрекнуть нельзя — но неизбежно возникает вопрос о том, где кончается собственно назидание, и начинается сколько-нибудь точный рассказ очевидца. Идеологическая направленность таких заметок едва ли допускает возможность, что репортер столь же полно расскажет не только об обвинителях, но и о защитниках нового режима: «агитке» противопоставлена полифоничность.

Перечисленные выше характеристики стиля «Нашего века» и «Новой жизни» не были чуждыми и большевистской прессе — с той лишь оговоркой, что многие их приемы были ею утрированы. Сразу же подчеркнем, что в 1917–1920 гг. большевистские газеты помещали разнородную информацию о настроениях масс — как о проправительственных, так и об оппозиционных. Индивидуальных политических откликов здесь

мало — обычно говорят «массы». Когда их все-таки обнаруживаем, то становится очевидно, что «политики» здесь немного и основное — это специфическая «бытовая» реакция с весьма приметным «антибуржуазным» оттенком. Одного бельгийского социалиста, защищавшего эсеров на суде в Москве в 1922 г., рабочие называли не иначе, как «жирным боровом», которого «откормила буржуазия». Внушительный вид этого адвоката, а не политические аргументы в его речах, стали главным объектом их внимания: «это холеный буржуй, он толст и мясист»,²⁹⁴ «тип банковского директора»²⁹⁵ — и ни слова о том, о чем говорил защитник эсеров.²⁹⁶

В других же «позитивных» индивидуальных откликах заметна, напротив, чрезмерная политизация, использование расхожих агитационных клише. Это заставляет предположить, не подправлял ли здесь редактор-цензор и без того «благонамеренные» речи — или, наоборот, не пользовался ли оратор уже привычными идеологическими сентенциями. В воспроизведенном «Красной» газетой выступлении на Беспартийном совещании рабочих Петрограда в апреле 1921 г. представителя Северо-западной железной дороги так говорилось об опасности «Учредилки»: «Учредительное собрание может тоже объявило бы всякие свободы, а потом оно переарестовало бы всех рабочих».²⁹⁷ Эта речь почти дословно воспроизвела один из блоков «антиучредительской» аргументации, приобретшей каноничность и системность еще в феврале 1921 г. Призыв работницы фабрики Кебке Александровой на первой конференции петроградских работниц в ноябре 1917 г. — «несмотря на созыв Учр[едительного] соб[рания], Советы должны оставаться, как революционные организации, контролирующие работу Учр[едительного] соб[рания]»²⁹⁸ — не предварял, а только по-

²⁹⁴ Отчет рабочего Трубногo завода Неклюдова о суде над эсерами (Красная газета. 1922. 5 июля).

²⁹⁵ Отчет рабочего фабрики «Треугольник» Викторова о суде над эсерами (Там же. 6 июля).

²⁹⁶ И этот прием не исчерпывался лишь отчетами рабочих делегатов о суде над эсерами — ту же невнятицу можно обнаружить, знакомясь с репортажами городских официозных газет о Беспартийном совещании рабочих Петрограда в апреле 1921 г.: «Тов. Конкин поддерживает обычные требования сторонников Учредительного собрания» (Маховик. 1921. 12 апреля), «в ... речи нет цельности, частые уклоны то в одну, то в другую сторону» (Там же), «разводит бобы, защищает меньшевистские лозунги» (Красная газета. 1921. 12 апреля).

²⁹⁷ Красная газета. 1921. 14 апреля.

²⁹⁸ Правда. 1917. 12 ноября.

вторял очередной зигзаг «учредилловской» тактики РСДРП(б). Разумеется, такие примеры не могут быть единственным поводом для подозрений в недостоверности передаваемой официальной прессой информации, но они сигнализируют о необходимости четче учитывать политический фон выступлений. Необходимо поэтому оценить, какие политические цели преследовала публикация подобных речей, выяснить, можно ли говорить в этом случае о их типичности и не следует ли обратить внимание на специфику усвоения социальными низами блоков клише, возникших в ортодоксальных партийных рамках. Нередки случаи, когда рабочий, путаясь в партийной терминологии, вместе с тем использовал в своей речи расхожие идеологические штампы. Будучи вкрапленными в полуграматную речь, они отчетливо показывают нам, где кончается импровизация оратора и начинается заимствование «чужого» текста. Это можно определить по неуместности применения таких клише в контексте выступления, по очевидной замене ими привычных для масс образов (негодяй — контрреволюционер, зажиточный — кулак, офицер — корниловец и двурушник — оппортунист). Мы можем это выяснить в зависимости от того, состояла ли изучаемая нами речь целиком из блоков клише или мы имеем дело с «чересполосицей» текста, где «высокое» — эффектно красочные, хотя и стершиеся от частого употребления фразы — гармонично (или не очень гармонично) сочеталось с «низким»: нескладицей высказывания, нарушенным синтаксисом, повторами, однообразием аргументов. «Гладкость» идеологизированной речи или ее «шероховатость» может сигнализировать о том, на какой стадии партийной риторики находится оратор, овладел ли он тем языком, которой позволил придать его, зачастую не очень высокому политическому кругозору, системность и отчетливость. Учтем, вместе с тем, специфику передачи его выступления в газетном отчете (подвергнутом и редакторской и политической цензуре), манипуляции с текстом, изменение акцентов в нем и замену слов.

Чаще всего на страницах большевистской прессы мы встречаем коллективный политический отклик в виде постановлений фабрично-заводских собраний. Это не очень достоверный источник о настроениях масс — постановления могли подготавливаться партийными работниками и публицистами, а потом выдаваться за мнение фабрично-заводского коллектива вслед-

ствие их формального одобрения рабочими. Но, во-первых, значительная часть рабочих плохо разбиралась в тех политических штампах, которыми были насыщены постановления. Во-вторых, многие из них голосовали вследствие угроз, репрессий, боязни быть замеченными в оппозиции, или надеясь получить за это определенные выгоды. Наблюдались подтасовки итогов голосования, частыми были переголосования — до тех пор, пока не принималось «нужное» постановление.

«Чтобы эта мелкая кучка оборонцев-соглашателей, неизвестных заводу, не вышла в защиту Учред(ительного) соб(рания), мы, подлинные рабочие, работницы и служащие завода, единогласно заявляем, что наша власть только власть советского правительства, которое мы приветствуем и которому обещаем оказывать всемерную поддержку»²⁹⁹ — как это нагромождение клише в постановлении общего собрания завода И. А. Семенова, принятое в январе 1918 г., («мелкая кучка оборонцев-соглашателей», «подлинные рабочие», «единогласно заявляем», «обещаем всемерную поддержку») далеко от обычной нескладицы повседневной речи фабрично-заводских низов. К этому следует добавить, что большевистская пресса нередко публиковала только изложение, а не полный текст постановлений — и в таком изложении прежде всего выделялись именно клише: «всякое посягательство на Советы ... встретит отпор со стороны революционного пролетариата», «Учредительное собрание социалистов-предателей»,³⁰⁰ «не верить лозунгу “Вся власть Учредительному собранию”». Под этим лозунгом кроется заговор контрреволюционных сил, стремящихся к восстановлению диктатура капиталистов и помещиков».³⁰¹

Анализ текстов постановлений скорее позволит исследователю оценить не политическую позицию разных социальных слоев, а коды политического мышления и логику аргументации партийно-ориентированных публицистов и профессиональных партийных работников. Разумеется, сравнение систем официозных клише с теми политическими репликами, которые отражены в документах личного происхождения, позволят и лучше представить источники и механизмы формирования массовых

²⁹⁹ Правда. 1918. 1 февраля.

³⁰⁰ Там же. 1917. 25 декабря (сообщение о постановлении общего собрания завода Дека).

³⁰¹ Там же 1918. 18 января.

настроений: степень упрощения предложенных клише, особенности их фрагментации, специфику и логичность их применения.

Касаясь «негативных» выступлений оппозиционеров, отраженных партийно-советской прессой, следует отметить, что они почти никогда не излагались без пристрастных комментариев. Можно отметить несколько вариантов такого «комментирования». Один из них — весьма неотчетливый рассказ о неких личностях, протестующих против советских порядков. О том, что они существуют, можно в данном случае узнать по косвенным намекам газетных «агиток» и инспирированных писем: «кто недоволен и кричит, что советская власть дает мало, пусть почитает газеты, что во всех странах рабочие еще больше голодают, чем мы»,³⁰² «в рабочей среде теперь появилось много людей, которое называют себя беспартийными»,³⁰³ «смутные эсеро-меньшевицкие настроения в брюзжащих обывательских массах».³⁰⁴ В этом варианте комментирования характерны нарочитый оптимизм многих статей («настроения изжиты», «рабочие догадываются» и т.д.), сугубая анонимность врагов революции и фиксация их малочисленности в сочетании с почти ритуальной обязательностью разоблачения из взглядов.

Близок к этому и другой вариант «комментированного» рассказа. Ему также присуща анонимность оппозиционеров, но все же четче указаны место и время события и само содержание «контрреволюционного» выступления, хотя последнее и отмечалось обычно кратко. Как правило, в таких публикациях отмечается отпор, данный оппозиции, и уже не публицистом, а самими участниками собраний, которые описывает газетный репортер. Характерный образчик подобного рода публикаций — статья П. Юрьева «О делегатском собрании на заводе»³⁰⁵: «Потолковали и о свободе труда. Нашелся рабочий, предложивший разрешить переходить с завода на завод без союза, но ему выставили такие ... аргументы против этого, что и разговаривать об этом не стали». Если даже признать достоверной описанную выше сцену (из рассказа не ясно, было ли перечисление аргументов частью разговора), то уже никак нельзя игнорировать

³⁰² Маховик. 1921. 25 февраля (письмо работницы Центральной швейной фабрики).

³⁰³ Красная газета. 1918. 10 апреля.

³⁰⁴ Петроградская правда. 1923. 28 октября (статья И. Майского «Слово пролетариата»).

³⁰⁵ Красная газета. 1921. 7 апреля.

требование «свободного перехода», которое выявилось в десятках постановлений фабрично-заводских собраний в Петрограде в феврале-апреле 1921 г. В этом контексте фраза «нашелся рабочий» выглядит весьма сомнительной. В заметке «Май-июнь-июль», опубликованной «Маховиком»,³⁰⁶ говорилось о выступлении на одном из собраний оратора-коммуниста. «Когда им было сказано, что до улучшения нашего положения пройдет еще месяц-полтора некоторого ухудшения, что май хуже апреля, а июнь может выйти хуже мая, выступил эсерствующий оратор и ехидно продолжил: “а июль будет хуже июня, а август хуже июля и т.д.”». Рассказав об этом случае, газета тут же добавила: «Оратор ожидал грома одобрения своему продолжению, но этого грома не было». Привычный для тогдашних политических дискуссий ярлык «эсерствующий» и саркастическое замечание «ожидал грома одобрения» — риторические наслоения, отчетливо указывающие на пропагандистскую направленность статьи: едва ли репортеру было точно известно, ожидал или нет оратор услышать «гром». Даже если этот эпизод передан без искажений, необходимо отметить, что молчание рабочих могло иметь разные причины (в том числе и боязнь репрессий), которых публицист явно не хочет касаться. В целом же полемический оттенок такого рода комментариев неизбежно придавал изложению события односторонность. Полемика по тогдашним политическим нравам должна было отмечать правоту единственно верного взгляда, а не быть скрупулезным сверением pro и contra. Детали, которые могли бы расцветить повествование, нередко оказывались для публициста лишними, если их окраска была «нейтральной» — все подчинялось одной цели.

В ряде случаев «негативная» информация появлялась на страницах прессы лишь для того, чтобы ее опровергнуть. Таким является, например, сообщение «Красной газеты» о постановлении в защиту Учредительного собрания, принятого в мае 1918 г. на Путиловском заводе. Чтобы эффективнее выглядело опровержение «слухов», нужна была, во-первых, их карикатурность — отсюда и фраза в сообщении о том, что постановление «чуть ли не решено стачкой поддерживать», о чем сам документ умалчивает. Во-вторых, здесь использовались ярлыки для дискредитации источника информации: отмечается, что таковым была «оборонческая и буржуазная печать» и в данном случае мы

³⁰⁶ Маховик. 1921. 19 мая.

имеем дело с «очередной наглой ложью продажной прессы».³⁰⁷ В третьих, для «разоблачения» слуха используется факт подготовки при проведении собрания: постановление, как писала газета, было принято «небольшим собранием оборонцев, которое присвоило себе название общего заводского собрания».

Зачастую о «негативных явлениях» газеты сообщали лишь для того, чтобы предостеречь от их повторения — так писалось о стачках, демонстрациях или иных политических выступлениях. Информативность статей при этом была минимальной, отмечались обычно только такие детали, которые могли бы дать возможность сделать удачный полемический ход: неосторожная или не к месту произнесенная фраза, корыстные поступки, очевидная лживость слуха. Оговорка — главный компонент официальной газетной информации о настроениях масс. Она не была лишь некой «автономной» ее частью, своеобразным риторическим дополнением. Она непосредственно влияла и на самое содержание информации, придавая ей нужные оттенки, оставляя в тени не очень существенные для целей эффективной полемики подробности.

³⁰⁷ Там же. 1918 . 10 мая.